

Московский педагогический
государственный университет

А. М. Родригес-Фернандес

**ВАХХАБИЗМ И ЯЗЫЧЕСТВО
НА АРАВИЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ
(XVIII–XX вв.)**

Москва
2019

**Александр Мануэлевич Родригес-
Фернандес**

**Ваххабизм и язычество
на Аравийском
полуострове (XVIII-XX вв.)**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43254539

Ваххабизм и язычество на Аравийском полуострове (XVIII– XX вв.)

монография:

ISBN 978-5-4263-0756-8

Аннотация

Монография «Ваххабизм и язычество на Аравийском полуострове (XVIII– XX вв.)» посвящена анализу уникального явления в мусульманском мире: сосуществованию на протяжении двух с половиной столетий в аравийском обществе и в среде аравийского населения двух полярных, по сути враждебных религиозных систем: агрессивного ваххабизма – авангарда современного исламизма – и древних языческих верований, культов и обрядов. Книга предназначена для историков широкого профиля, религиоведов, этнографов, студентов гуманитарных факультетов, а также для лиц, интересующихся рассмотренными в содержании проблемами и процессами.

Содержание

Введение	4
Глава I	11
Племена в прошлом (донефтяной период)	11
Племена в постнефтяной период	23
Природно-климатические условия сохранения кочевничества.	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

А. М. Родригес-Фернандес Ваххабизм и язычество на Аравийском полуострове (XVIII– XX вв.) монография

Введение

В общем можно сказать, что целью данного исследования стал анализ религиозной ситуации на Аравийском полуострове. В какой-то степени это справедливо, но нуждается в серьезных уточнениях. Во-первых, территориально прежде всего рассматривается территория Северной и Центральной Аравии с прилегающими регионами современных Кувейта, ОАЭ, частично Омана и Катара. Это, конечно, преимущественная часть Аравийского полуострова, но все же не вся. Автор не рассматривает, например, Йемен, где столетиями происходили весьма специфические общественные и религиозные процессы. Во-вторых, в проблемном отношении целью работы является изучение противостояния радикальной формы салафизма и таухида (жесткого единобожия) с «неверием»¹ и пережитками язычества в бедуинских племенах.

¹ «Неверие» для правоверных – это как раз неисполнение мусульманских за-

Ислам возник в VII в., ваххабитское учение – в XVIII в., но эта проблема язычества и доисламских верований остается актуальной и в настоящее время. В-третьих, учитывая бывшие и современные конфессиональные особенности, необходимо было уделить внимание собственно роли и месту кочевого населения (питательной среды пережитков) в современных нефтедобывающих монархиях.

Когда-то бедуины являлись основной, могущественной и «благородной» частью населения пустынного полуострова, но в современном мире им зачастую отводят место маргиналов, не вписавшихся в новые реалии нефтедолларовой Аравии. А ведь в численном отношении они продолжают составлять многочисленную (около одной трети) часть населения, им по-прежнему присущ древний принцип «племенного превосходства». Более того, так называемые благородные племена стали опорой монархических режимов, потому что из них формировались элитные воинские части, например, Национальная гвардия («белая армия») и т. п.

Таким образом, помимо анализа процесса становления и развития ваххабизма, его теологических и ритуальных отличий, сохранения язычества в среде кочевого населения, в книге необходимо было рассмотреть также положение бедуинских племен в прошлом и настоящем, то есть до и после «великого водораздела» – обнаружения нефти и развития нефтедобывающей промышленности в Аравии.

Для решения поставленных задач были использованы различные по происхождению источники с ярко выраженной спецификой (в области социально-экономической, политической, теологической, ритуальной) и, разумеется, нуждающиеся в сравнительном и критическом анализе.

Для изучения прежней и современной роли племен в общественной жизни Аравии незаменимы были заметки европейских путешественников и воспоминания лиц, посетивших Аравийский полуостров или проживавших там какое-то время. Это могли быть эмиссары европейских правительств, иногда ученые – натуралисты, географы, филологи, в иных случаях коннозаводчики или их агенты. Все эти лица, естественно, не преследовали целей проведения специальных конфессионально-этнографических или социально-экономических исследований. Однако в их путевых дневниках, заметках, отчетах, воспоминаниях содержится огромное количество ценных сведений.

Выдающееся место среди этого контингента занимает И. Буркхардт (J. L. Burckhardt). Швейцарец по происхождению, британский подданный, он был движим неукротимой страстью к путешествиям, и Хиджаз, который он изучал в 1814–1815 гг., представлял собой лишь этап в его странствиях. Он собрал обширнейшие сведения об Аравии и жизни арабов на основе личных бесед с хиджазцами и неджейцами. И. Буркхардт изучал не только историю ваххабитов, их идеологию и структуру первого государства Саудидов, но и общественные

отношения и право как бедуинов, так и оседлых, интересовался формами семьи, собственности, налоговой системой. Большая культура путешественника и широта кругозора, соединенные с научной добросовестностью, позволили ему написать книги, без которых наши знания об Аравии XVIII–XX вв. были бы неполными [34; 35].

Одним из первых европейцев, описавших крупные оазисы и области Северной и Центральной Аравии, а также общественную жизнь их населения, был У. Дж. Полгрев (W. G. Palgrave) [56]. В 1862–1863 гг. он по заданию французского правительства совершил поездку по Джебель-Шаммару, Касуму, Неджду и Эль-Хасе. Его путевые заметки долгое время считались фальсификацией, однако в XX в. было доказано, что Полгрев действительно побывал во всех описанных им областях Аравии, и хотя в его заметках имеется много неточностей, в целом они являются ценным историческим источником.

В 1876–1878 гг. Ч. М. Доути (Ch. M. Doughty), английский путешественник, по образованию геолог, впоследствии археолог-любитель, посетил сердце Аравии – Хиджаз, а затем и соседние оазисы. Он длительное время кочевал с бедуинскими племенами и свои наблюдения и впечатления изложил в двухтомном дневнике [44; 45]. Его заметки, освещающие не только социальную структуру племен, но и их повседневную жизнь, верования и ритуальную практику, представляют для исследователей безусловную ценность.

Ярко выраженные языческие пережитки в быту и конфессиональных представлениях бедуинов описаны в двухтомных путевых заметках английской путешественницы А. Блант (A. Blunt) [31].

Во второй половине XX в., с развитием на полуострове нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности, меняется и характер источников. Если ранее авторами были путешественники, политические агенты, археологи-любители, то в последующий период это уже в основном лица, непосредственно связанные с нефтедобычей, обслуживающими отраслями, инфраструктурой – в общем, западные специалисты, часто служащие Арабско-Американской нефтяной компании (АРАМКО). Среди них крупный нефтяник Ф. С. Видал (F. S. Vidal) [65 а], врач на службе у нефтяной компании М. Ш. Чини (M. Sh. Cheney) [39], американский дипломат Х. Армстронг (H. Armstrong) [29 б] и др.

Особое место среди авторов занимает Г. Филби (H. St. J. B. Philby), бывший английский резидент, оставшийся по не вполне ясным причинам в Саудовской Аравии на всю оставшуюся жизнь. По его версии, он полюбил эту страну, этот чужой мир, принял ислам и даже подружился с принцем, а затем и королем Абд аль-Азизом, став его другом и советником. Он написал несколько книг [58–61], где затронул самые разные стороны аравийской общественной жизни, сообщил массу востребованных в арабистике данных и фактов.

В нашем случае специфика источников определяется

сферой деятельности и широтой кругозора их авторов. Правда, их взгляды во многом идентичны: по большинству реалий и процессов политического, социально-экономического и этноконфессионального характера они проявляют завидное единодушие. Но, во-первых, они не ученые-аналитики, а во-вторых, они все же делают упор на материале, знакомом им по личной сфере деятельности, там, где они специалисты и эксперты, которым можно верить. И, наконец, они по-человечески более объективны и менее ангажированы, чем специалисты – политологи, экономисты, социологи и т. п.

В этот же период появляется и в последующие десятилетия приобретает все большее значение новая для Аравии группа источников, включающая сборники документов, справочники, статистические материалы, периодическую печать и т. п. [71; 73; 75; 76]. Разумеется, такие источники требуют применения особых приемов критического анализа. Пресса и статистика, как правило, ангажированы и подлежат строгой цензуре, поэтому желательно сопоставление приведенных там сведений с данными других западных источников (в частности, ООН, ЮНЕСКО), прессы других арабских стран, например [69; 70; 72], а также оппозиционной прессы (например, иракского органа саудовских оппозиционеров [74] или органа саудовской компартии [75]).

Особая специфика у арабских источников. Например, рассматривая теологическую и ритуальную основу ваххабиз-

ма, не обойтись без работ самого вероучителя [12–16], его последователей [17–19] и противников, придерживающихся разных исламских направлений и взглядов, – суннитов, шиитов, современных «модернизаторов» и т. д. [20; 26; 29 и др.].

Заканчивая вводную часть, хотелось бы отметить, что еще три десятилетия назад ваххабизм представлял для общест-венности лишь академический интерес. Начиная с 1990-х гг. ситуация резко изменилась. Распад СССР, война в Заливе 1990–1991 гг. способствовали падению авторитета и популярности светских, прежде всего просоциалистических, режимов на Востоке и особенно в мусульманском мире. Зато пышным цветом расцвели многообразные радикальные и террористические исламские движения. Ваххабитами теперь уделяется особое внимание, хотя их роль в современном исламизме явно преувеличена. В любом случае попытка изучения основ теологии, ритуалов, ваххабизма, особенно на его родине и сквозь призму борьбы с «неверием» и язычеством аравийского кочевья, не может быть лишней.

Глава I

Аравийское кочевье в прошлом и настоящем

Племена в прошлом (донефтяной период)

Особенности географической среды Аравии, издавна замкнувшей земледелие в рамках группы оазисов и тем самым предоставившей широкий простор развитию скотоводства, определили существование нескольких типов скотоводческой специализации и соответственно вариантов кочевничества.

Важнейшее место в жизни кочевого населения страны занимало верблюдоводство. Будучи едва ли не самым универсальным из всех домашних животных, верблюд находил у бедуинов самое разнообразное применение. Его молоко, мясо и жир шли в пищу, шерсть – на изготовление тканей, шкура – на выделку бурдюков и обуви, навоз – на топливо. Кроме того, в условиях Аравии верблюд являлся единственно пригодным средством передвижения. В то же время, вплоть до Второй мировой войны, верблюд оставался и важным транс-

портным средством, и тягловой силой в землях как Аравии, так и соседних стран Ближнего Востока [91, с. 36].

Вторую группу скотоводов составляли кочевники, основой хозяйства которых было разведение мелкого рогатого скота. Хотя кочевое овцеводство так и не получило в Аравии такого широкого развития, как в Ираке, Сирии, Иордании и Палестине, из-за недостатка травяных пастбищ и скудности водных ресурсов, однако довольно большое число овцеводов насчитывалось в Неджде, Касыме и Джебель-Шаммаре, а овцеводов – главным образом в горных долинах Хиджаза. Овцеводством занималась большая часть кочевников Восточной Аравии, кроме того, в определенные сезоны в пустыни Северной Аравии перекочевывали скотоводы с берегов Евфрата, Хабура и Иордана.

В жизни полукочевников овца (реже коза) играла почти такую же роль, как верблюд в жизни бедуина. Овцы давали молоко, масло, мясо, шерсть, кожу; за овец и продукты овцеводства полукочевники получали необходимые изделия и земледельческие продукты [91, с. 42].

Разумеется, не всегда кочевые племена были сколько-нибудь однородными в хозяйственном отношении. В ряде случаев одни подразделения племени занимались верблюдоводством, другие – в основном разведением овец и коз. В одном и том же племени часть хозяйств занималась преимущественно скотоводством, другие – земледелием, а некоторые хозяйства были целиком оседлыми. Направление хозяйства

той или иной группы кочевников зависело от условий принадлежащей им территории – характера пастбищ, рельефа, обеспеченности водой.

Накануне обнаружения нефти и проникновения в страну иностранного капитала феодальные отношения в значительной степени вытеснили и продолжали вытеснять сохранившиеся остатки как патриархально-родовых, так и патриархально-рабовладельческих и рабовладельческих отношений. Тем не менее полностью дофеодальные уклады вытеснены не были. Сосуществуя и переплетаясь с господствующим феодальным укладом, они продолжали играть довольно большую роль в общем комплексе общественных отношений, причем эта роль была неодинакова в среде кочевого, полукочевого и оседлого населения.

Остатки патриархально-родовых отношений в Аравии были настолько значительны, а в среде кочевых племен вместе с тем и настолько ярки, что в западноевропейской науке возникла тенденция идеализации аравийского племени как образца всеобщего равенства и демократии. Однако эта модель имела мало общего с равенством и демократией первобытных племен.

Родоплеменная структура кочевников была достаточно сложна и в рассматриваемый период может быть представлена следующим образом:

- 1) отдельная семья из 5–6 человек, обитателей одного шатра и носящая имя своего главы – отца семейства;

2) группа из нескольких, обычно 3–4, отдельных семей, образовавшихся в результате выделения взрослых и женатых сыновей. Иногда, в особенности у кочевников, такая группа обладала более или менее нераздельным имуществом и, следовательно, сохраняла характер большесемейной организации. Однако обитатели каждого шатра владели собственным стадом и вели собственное хозяйство. Связи между отцом и его выделенными сыновьями носили не столько экономический, сколько организационный характер;

3) небольшая родовая группа, состоявшая из близких реальных родственников, еще помнивших, а в старейшем поколении иногда и лично знавших своего общего предка, давшего имя всей группе. Для наименования такой группы нередко употребляется термин «хамсати» (от арабского слова «хамс» – пять), представляющий особый интерес ввиду наличия сообщений о том, что данная группа в основном состояла из родственников до пятого колена. Подобные организации существовали как у кочевого, так и у оседлого населения Аравии. С одной стороны, это была небольшая внутриродовая группа, а с другой стороны, о чем будет говорить дальше, строго определенный коллектив родственников, отвечавших за кровомщение;

4) широкая родовая группа, образованная родственниками различных степеней родства. Род владел некоторыми видами коллективной собственности, члены его, хотя и в меньшей степени, чем члены хамсати, были объединены традици-

ями взаимопомощи и взаимответственности. Род имел своего старейшину – шейха, иногда даже военачальника – акида и толкователя обычного права – ариффа. У каждого рода было свое имя, восходящее к имени предка, свое знамя, военный клич, а часто и расположенное в районе летовки родовое кладбище с могилами, помеченными родовой тамгой. Род адаптировал чужаков, принимал от них «жертву входа» и объявлял их своими членами «по имени и по крови», помогал им и отвечал за них. Род же исключал из своей среды нежелательных людей, объявляя о своем отказе считать их своими членами;

5) подплемя – группа родов, в одних случаях, связанных лишь генеалогически – воспоминанием об общем происхождении, в других – объединенных также и в политическом отношении. В последнем случае подплемя всегда имело общего шейха, которым был глава самого крупного и сильного рода;

6) племя – важнейшая ячейка общественной организации кочевников, чаще всего носившая название «кабила». Каждое племя обладало своей территорией, некоторыми диалектными особенностями и особенностями культуры. Все соплеменники считали себя дальними родственниками, происходящими от реального или легендарного предка. Так же как и род, племя имело свою тамгу и военный клич. В каждом племени, наряду с шейхом, имелся акид, один или несколько ариффов;

7) группировка племен также в большинстве случаев носила название «кабила». Она включала племена – частью родственные, частью объединившиеся в военно-политических целях. Как и племя, группировка племен обычно имела и этнический, и политический аспекты. Первый выступал в наличии общей территории и диалектико-культурных особенностей, второй – в наличии особых норм обычного права, регулировавших отношения между братскими племенами и их отдельными членами. Границей племенных территорий служили вadi, цепи холмов, скалистые кряжи, караванные пути, колодцы; там, где это представлялось возможным, границы помечались общеплеменной тамгой. Пользоваться чужими пастбищами разрешалось союзным или же просто дружественным племенам в определенные сезоны и за определенную мзду. Нередко бедуинские племена считались коллективными владельцами обрабатываемых земель, сданных в аренду африканским вольноотпущенникам или арабским феллахам.

Важную роль в традициях аравийских племен играла взаимопомощь в покрытии расходов, связанных с ритуальными обрядами, и в гостеприимстве. Особое значение имела родовая взаимопомощь в практике как самого кровомщения, так и выплаты за убийство или увечье [91, с. 63–64].

Остатки оказания родовой взаимопомощи сохранились и в повседневном быту бедуинов. Когда кто-либо из состоятельных кочевников резал верблюда, часть мяса он по обы-

чаю должен был раздать «родственникам и друзьям».

Было принято, чтобы по праздникам шейх угощал сородичей; если же он и его семейство не хотели прослыть скрягами и лишиться популярности, они должны были время от времени делать небольшие подарки (рубаша, кусок материи и т. п.) своим малоимущим сородичам.

Что касается организации власти, то в этой части общественной жизни также удерживался ряд ярких пережитков патриархально-родового строя или, точнее, его последнего этапа – военной демократии. На протяжении всего описываемого периода высшим органом власти в роде и племени оставался меджлис, где при желании мог выступить любой член племени: формально сохранялись принцип выборности шейхов и архаическое разделение должностей старейшины и военачальника; судья при разборе дел, как и тысячелетие назад, ссыался на дедовские адаты; власть племенных магистратов была лишена каких-либо пышных атрибутов, а общение шейхов и бедуинов – ярко выраженное неравенства.

Остаются до конца невыясненными фактические формы наследования шейхского титула, зачастую имевшее место в политической жизни аравийских племен. Иногда после смерти отца шейхом становился старший сын, иногда же избирался младший с назначением опекунов из числа его взрослых родственников.

В области идеологии выразительным пережитком патриархально-родового строя было представление об общности

происхождения и прочно удерживающийся культ мужских предков.

Равнодушно относясь к большинству предписаний ислама, кочевники неукоснительно соблюдали обычаи и обряды, связанные с культом родоначальников. У священных могил мифических предков совершались жертвоприношения. У предков просили заступничества перед Аллахом и дарования побед в межплеменных войнах. В своем культовом значении священные могилы предков, так же как и маркабы – знамена племен, перевозимые на верблюдах и также требовавшие жертвоприношений, носили еще пережиточно-темный характер (подробнее см. в главе III).

Ранее уже говорилось о сохранившихся у кочевников остатках патриархально-родового строя. Однако есть свидетельства и о продолжавшемся процессе их разложения. Одним из показателей распада рода была утрата им не только классических, но и позднейших поколенных форм экзогамии. Уже в эпоху становления ислама в Аравии преобладали ортокузенные браки, хотя и сохранялись ощутимые следы былых экзогамных порядков.

Ортокузенный брак, до настоящего времени распространенный в арабских странах, еще в начале XX в. был господствующей формой брака среди всех слоев населения Аравии. Обычное право, запрещая (как и Коран) браки между отцом и дочерью, племянником и теткой, сыном и разведенной женой или вдовой отца, отцом и разведенной женой или

вдовой сына, зятем и тещей, сводными и молочными братьями и сестрами, прямо предписывало браки между ближайшими дозволенными родственниками по отцу. Предпочтительным супругом считался первый ортокузен, в случае его отсутствия право на девушку переходило ко второму, третьему и другим ортокуzenам. Отказаться от брака мог мужчина, но не женщина: в случае отказа законной невесты ортокузен был вправе забрать ее силой и даже убить. Посторонний соискатель должен был испросить согласия законного жениха и уплатить ему «отступные». Наконец, важной экономической особенностью было то, что при таких браках выкуп за невесту не брался вовсе либо был очень незначительный.

В связи с изучением этой формы брака у племени банту немецким ученым Крюгером была высказана мысль, что в основе его лежит стремление сохранить выкуп за невесту в пределах одной большой семьи, а Д. А. Ольдерогге отметил, что ортокузенный брак возникает в результате обособления внутри рода большесемейной собственности. Таким образом, семья экономически противопоставила себя роду, из чего прямым следствием является разрушение последнего, распад родовой организации [91, с. 87].

О далеко зашедшем процессе разрушения родового единства свидетельствовал также поколенный принцип кровомещения, открывший широкие возможности для быстрого распада родовых связей. Внутри рода, как мы уже упоминали, допускались кровная месть и материальное возмещение

за кровь. Кровники, которых вынуждали оставлять родовые кочевья, надолго, а то и навсегда оседали в соседних племенах, разрывая тем самым родоплеменные общности. Сородичи, как мы уже видели, стремились постепенно сужать установленный обычаем круг ответчиков за кровь, и многие племена значительно в этом преуспевали. Но модифицированным, «облегченным» нормам обычного права следовали с большой неохотой, а часто и совсем переставали следовать. Особенно заметно разложение родового единства было в тех случаях, когда дело не касалось отношений с внешней средой. Весь род нес материальную ответственность за долг любого из своих членов кредитору-иноплеменнику, но кредитору-соплеменнику должник был обязан уплатить своими силами [Там же, с. 84].

Распад общественно-экономического единства рода наложил свою печать и на сам характер родоплеменной организации. Существенным показателем ее модификации и разрушения была неустойчивость терминов, применявшихся самими кочевниками для обозначения понятий «род», «племя», «под-племя» и т. д. В самом деле, если, например, термин «ашира» зачастую без разницы применялся и к племени, и к подплемени, и к различным родовым группам кочевников, то это могло быть следствием лишь утраты родом и племенем их древних классических функций. За неустойчивостью терминологии стояла прежде всего изменчивость, динамичность самой родоплеменной структуры, отдельные

звенья которой с ростом или убылью населения сравнительно быстро меняли свое реальное содержание [59, с. 52].

По существу, в кочевых и особенно в полукочевых племенах Аравии шел процесс перехода от родовых связей к территориальным. Роды постепенно превращались в соседские общины. Их члены еще пытались как-то сохранить, а в некоторых случаях и искусственно возродить привычную родоплеменную организацию, но они уже с трудом могли доказать действительно существующее между ними родство.

Принято считать, что в землевладельческих оазисах Аравии патриархально-родовой строй подвергся несравненно более глубокому разложению, нежели в среде кочевых племен. В общем, это положение правильно, но следует учитывать, что разрушение родовых традиций было неравномерным в различных районах страны и разных сферах жизни населения.

Все оседлое население Аравии тогда претендовало (как, впрочем, и сейчас коренные жители страны продолжают претендовать) на принадлежность – иногда действительную, а чаще всего мнимую – к тому или иному кочевому племени.

В некоторых случаях такие претензии носили вполне реальный характер. Это тогда, когда оседлые жители принадлежали к числу сравнительно недавно осевших бедуинов и продолжали поддерживать со своими кочевыми соплеменниками хозяйственные, военные, брачные и прочие связи. В этих группах населения сравнительно долго поддерживались

патриархально-родовые обычаи и нравы. Так, многие жители Неджда причисляли себя к выходцам из ныне кочевых племен давасир, субаи и др., жители Джуббы – к осевшим руалла, а жители Табука претендовали на родство с бану са-хр [91, с. 37].

В тех случаях, когда население оазисов состояло из потомственных феллахов, обязательно выдвигалась версия о принадлежности к некогда знаменитому, древнему, но давно уже перешедшему к полной оседлости кочевому племени. Конечно же, в большинстве случаев имели место не реальные потомственные связи с теми или иными племенами, а генеалогические фикции, к которым широко прибегали оседлые жители, дабы утвердить и подчеркнуть «благородство» своего происхождения.

В действительности этот тип населения совершенно не знал родоплеменной организации, подобной организации кочевников. Реально сохранялись лишь большая семья и сравнительно небольшая группа близких родственников, которая в нашей этнографической литературе часто называется патронимией.

Племена в постнефтяной период

С момента обнаружения нефтяных залежей в аравийских монархиях и вызванной этим экспансии капиталистических отношений появились новые факторы, ускоряющие разложение родоплеменного строя в среде арабского кочевья. Современные социально-экономические реалии жизни бедуинов проявляются теперь в более широком масштабе международного капитализма, где кочевое хозяйство занимает в настоящее время периферийное и маргинальное место придатка.

Бурная урбанизация аравийских обществ сопровождалась постепенным разложением племенной организации. Но это не означало исчезновения самих племенных связей, которые сохраняют свою живучесть и по-прежнему определяют положение человека в обществе, его социальный статус. Тем не менее экономический стимул нефтяного развития оказался эффективнейшим катализатором в вековом процессе оседания кочевников на землю или миграции их в города. Этот процесс имел свои отличия в каждой из рассматриваемых стран. В то время как в Эмиратах почти завершился процесс урбанизации, в Саудовской Аравии еще треть населения живет вне городов, а на занятых в мелкотоварном земледелии, рыболовстве, а также в кочевом скотоводстве приходится 17–20 %. В Омане, где добыча нефти началась

позже и достигла меньших размеров, их доля также значительна [75 а, с. 86].

В силу обозначенной ситуации положение современного аравийского кочевья будет рассматриваться на примере Саудовской Аравии. Во-первых, потому что саудовское кочевье наиболее значительно как в абсолютных, так и в относительных показателях; во-вторых, именно там сложилась наиболее сложная и противоречивая картина противодействия различных тенденций.

Правительство Саудовской Аравии, уделявшее в последнее время большое внимание проблемам кочевых племен, в своих официальных документах второго плана развития на 1975–1980 гг. следующим образом охарактеризовало жизнь и экономику бедуинов в постнефтяной период:

- низкий подушевой доход по сравнению со средним по стране;
- сильный упор на скотоводство как основной источник доходов;
- почти полная зависимость от милостей погоды в выращивании овец и рогатого скота;
- быстрое ухудшение земельных зон в большинстве районов, в основном из-за сильных потрав пастбищ.

В документах плана поясняется, что у бедуинов сложная высокоразвитая социальная, экономическая и юридическая система, которая приспособляется к различным изменениям многие сотни лет. Тем не менее темпы изменений, ка-

сающихся остальной части населения королевства, были в последнее время столь высоки, что экономический и социальный разрыв между бедуинами и остальным населением резко увеличился и продолжает расти. Отсюда вытекает, что для улучшения жизни этой категории населения требуются специальные программы, основанные на реалистической оценке нужд и меняющейся социальной и экономической роли бедуинов. Недостатка в социальных программах и планах не было. Еще в конце 1960-х – начале 1970-х гг. правительство разработало общий план решения бедуинской проблемы на следующей основе. Роль государства, указывается в нем, оказывать помощь бедуинам, развивать животноводство, а не перебрасывать население в города. Это означает поднятие жизненного уровня бедуина до жизненного уровня горожанина, принятие мер по оказанию помощи в овладении необходимыми знаниями и опытом, которые помогут ему впоследствии овладеть какой-либо специальностью. План предусматривал развитие пустыни как основу решения бедуинской проблемы и включал в себя несколько конкретных проектов, которые носили названия местностей, где они должны были осуществляться. Крупнейший из них – проект Харадж имени короля Фейсала. Район его расположен между грядой гор Дахла и оазисами Эль-Харадж и Эль-Джива на юго-западе королевства, где издавна обитало племя Мурра. Министерство сельского хозяйства разделило начальную стадию этого проекта на три этапа. Первый предусматривал

организацию экспериментальной формы в пустыне на площади в 100 акров; второй – создание учебного центра по сельскому хозяйству; третий – освоение 10 000 акров в этом же районе пустыни, с тем чтобы занять там 1000 бедуинских племен [79, с. 36].

Задачами экспериментальной станции и учебного центра было проведение научной работы по выявлению наиболее приемлемой культуры (будь то техническая, продовольственная сельскохозяйственная культура, овощи или фрукты) для дальнейшего ее выращивания в этом районе, а также исследований по возможности разведения здесь какого-либо вида домашнего скота.

Предполагалось, что осуществление начальных стадий проекта займет от двух до пяти лет и будет завершено еще в течение второго пятилетнего плана развития.

На основе технических и финансовых возможностей проекта на втором этапе намечался подъем 60 дунамов земли (1 дунам – приблизительно 0,1 га) с целью поселения там более 3 тыс. семей общей численностью около 25 тыс. человек. Каждой семье предполагалось выделить участок земли в 20 дунамов. Каждый участок предусматривалось обеспечить водой из центральной системы артезианских колодцев, от которых отходит система каналов.

На этих же принципах предполагалось осуществление проектов Джибрил и Сирхан [79, с. 38].

Однако срок действия второго плана развития давно уже

истек, но ни одной специальной программы, направленной на улучшение экономического положения бедуинов, так и не было принято (за исключением программы субсидирования роста поголовья скота), а так называемый общий план вместе с его составными проектами был отменен. Так, спустя несколько лет деньги, отпущенные на проект имени короля Фейсала, в Харадже были переданы иностранной (ирландской) компании для создания на этом месте капиталоемкой современной фермы на основе дележа прибылей с правительством.

Принадлежащие бедуинам стада верблюдов, овец и коз – важный элемент хозяйства в тех районах Саудовской Аравии, где отсутствует нефть. В последние годы правительство королевства осознало, что принадлежащий бедуинам рогатый скот является важным ресурсом страны и что этот сектор экономики должен поощряться и развиваться [80, с. 8].

Основной и пока единственной программой, осуществляемой правительством в этом направлении, остается программа денежных субсидий Министерства сельского хозяйства и водных ресурсов, согласно которой правительство ежегодно выплачивает владельцам пособия в размере 30 риалов за овцу и 50 за верблюда. Целью этой программы, введенной после суровых засух конца 1960-х гг., когда отмечался массовый падёж скота, является помощь и поощрение бедуинов в восстановлении их стад и гуртов.

Денежная стоимость принадлежащих бедуинам овец и

верблюдов достаточно высока. Так, годовалая овца стоила в конце 1970-х как минимум 300 риалов (около 80 долл.), а иногда цена ее достигала и 600 риалов (около 150 долл.). Минимальная цена среднего взрослого верблюда – 3 000 риалов (около 800 долл.), а есть породы беговых быстрых верблюдов и дающих особо высокие удои молока, цены на которых достигают 20 тыс. риалов (около 5 000 долл.). Бедуины, однако, не занимаются регулярной продажей своих животных. Вместо потребления значительной части имеющегося в ее распоряжении мяса Саудовская Аравия вынуждена импортировать его. Таким образом, констатируется в официальном издании Министерства финансов страны, современные города королевства не потребляют сколько-нибудь значительной части избыточной продукции, имеющейся у бедуинского сектора населения. Поставка мяса и других животноводческих товаров в города никогда не была традиционным занятием бедуинов [9, с. 13] и не является им сейчас.

Характеризуя прошедший период до создания государства и открытия там нефти, можно говорить о том, что производству этой так называемой избыточной продукции, помимо всегда сопутствующих животноводству капризов природы и болезней животных, препятствовали налеты и межплеменные стычки, часто отвлекающие бедуинов от скотоводства. В последние десятилетия произошло несколько относящихся к кочевому скотоводству важных изменений. Одно из наиболее существенных состояло в передаче всех паст-

бищ в общественные королевским указом от 9 октября 1953 г. [71]. Этот указ разрушал старинную традицию, по которой каждое племя имело исключительные права на выгон на определенной территории, охраняемые их военной мощью. Все пастбища, таким образом, стали открыты для всех желающих – право, поддержанное полицейскими силами национального правительства (указ от 3 июня 1965 г.) [76].

Другим важным фактором, способствовавшим более интенсивному использованию водных ресурсов, стало бурение принадлежащих государству колодцев в пустыне. Это привело к тому, что бедуины более не привязаны к пастбищам, где они имеют традиционное племенное право на водные ресурсы. Наконец, широкое использование автотранспорта для перевозки животных и имущества на новые выгонные места означает, что бедуины стали куда более мобильны, чем раньше.

Следствием этих нововведений стало то, что, когда в какой-либо области идет дождь, большое число бедуинов независимо от их племенной принадлежности направляются в этот район со своими стадами и интенсивно пасут их там, пока не придут вести о дожде в другом районе. Тогда они грузят свои стада и семьи на грузовики (иногда свои, но чаще взятые на прокат) и снимаются с места.

Единственным сохранившимся элементом от прежней практики скотоводства и миграции осталось возвращение большинства семей и стад на свою прежнюю племенную тер-

риторию летом, где расположены по традиции принадлежащие их племенам колодцы. Однако они реже, чем раньше, скапливаются вокруг колодцев, а держат свои стада и семьи рассеянными по пастбищам и перевозят им воду [81, с. 27].

В результате таких непланируемых, спонтанных и частичных усилий по модернизации со стороны как правительства, так и бедуинов происходит разрушение пастбищ в результате излишнего выпаса и автомобильного движения, причем страна по-прежнему не получает даже краткосрочных выгод по части роста предложения собственного мяса.

Королевский указ о передаче всех пастбищ в общественное пользование был частью попыток правительства заменить традиционный закон обычного права исламским законом шариата централизирующегося государства.

Главной задачей в то время было положить конец вооруженным межплеменным конфликтам, так как права, которые племена предъявляли на пастбищные земли, обычно поддерживались их собственной военной силой и были одной из важнейших причин, лежащих в основе всеобщих стычек, противодействующих консолидации нынешнего государства. Хотя это и не входило в планы законодателей тех времен, данный указ проложил дорогу к открытому и неуправляемому использованию пастбищ по всему королевству. Развитие современных водных ресурсов (бурение артезианских скважин, создание небольших водохранилищ) рассматривалось как правительством, так и самими бедуина-

ми как основной путь улучшения их жизненного уровня и приобщения к плодам современной технологии. Аналогичным образом предоставление субсидий и льготных займов для покупки цистерн рассматривается как распределение части денежных ресурсов королевства среди слоев населения с крайне низким подушевым денежным доходом и одновременно стимулирование населения к увеличению поголовья своих стад [95, с. 45].

Никто, однако, не мог предвидеть в правительстве, что подобные нововведения приведут к резкому повышению интенсивности использования пастбищ бедуинами и связанному с этим падежу скота от болезней. При этом значительного возрастания избыточного поголовья и передачи его в национальную экономику не произошло.

Во время Второй мировой войны, а особенно в период послевоенного широкого ввоза иностранного капитала, возникновение промышленного производства в городах, а также общий кризис кочевого хозяйства, казалось бы, должны были подготовить почву для широкого притока кочевников в города. Однако этот процесс, действительно имевший место вначале, оказался очень болезненным, особенно для бедуинов из верблюдоводческих племен. Причины – принцип их социальной иерархии, идеи особого благородства и превосходства воинственных бедуинов над полуседлым и оседлым населением, всемерно культивировавшийся на протяжении веков.

Правители Саудовской Аравии понимают, что размыв родоплеменных отношений может стать угрозой для существования династии. Проникновение американского капитала в крупные концессионные платежи предоставили королевскому дому новую возможность для привлечения на свою сторону кочевых племен. Это многочисленные субсидии, распределяемые среди бедуинов при посредничестве шейхов племен. Эти субсидии поставили кочевников в зависимое положение от королевской щедрости. В интересах поддержания спокойствия династии субсидии регулярно увеличиваются. К сожалению, ничего нельзя сказать о размерах этих субсидий, так как правительство Саудовской Аравии никогда не приводило эти цифры в своих документах. Но, по данным Г. Липски (G. Lipsky), в 1954–1955 гг. они составляли 27 млн риалов, а в 1960–1961 гг. – 192 млн риалов, или 12,8 % государственного бюджета того года [96, с. 136, 202].

В этом же духе приобрела иную окраску старая традиция, по которой вокруг Эр-Рияда постоянно разбивали свои палатки большое количество бедуинов, которые прибывали туда для переговоров о своих нуждах с королем и решения своих спорных вопросов. Все они считались гостями короля и снабжались пищей из общественных кухонь. В настоящее же время тысячи семей бедуинов устремляются теперь к Эр-Рияду и другим городам не столько ради решения спорных вопросов, сколько ради получения продовольствия, денежных подачек и иногда подыскания временной работы в городах

[96, с. 161].

В этом свете интересно рассмотреть изменение роли и статуса шейхов племен, произошедшее в последние три десятилетия.

Как уже упоминалось, важность племени как социально-политико-экономической единицы Саудовской Аравии в значительной степени была утрачена, уступив место возникающему национальному обществу и культуре. Контроль племен над выгонами и миграцией был в значительной степени подорван королевским декретом 1953 г., который легально открыл все пастбища любому желающему независимо от племенной принадлежности, развитием современной системы водных ресурсов, находящихся в ведении государства, а также приобретением многими бедуинами автотранспорта, что дало им большую мобильность, чем когда-либо ранее.

Кроме того, племя утратило и политическое значение, потому что правительство управляет районом на основе административных единиц, а не племенного деления. Сельские местности, в которых проживают бедуины, управляются правительственными чиновниками, которые находятся на службе Министерства внутренних дел. Большинство из них – выходцы из племен, но нередко среди них попадаются выходцы из шейхских семей. А уж они во всяком случае являются выходцами из другого племени, нежели то, которое преобладает в управляемом ими округе. Основные их обя-

занности включают в себя поддержание законности и порядка и редко имеют что-либо общее с модернизаторскими усилиями правопорядка. Роль же самих традиционных племенных вождей резко изменилась и может быть представлена двумя разновидностями [95, с. 36].

Первая и наиболее многочисленная категория племенных вождей образует ныне имущественную и социальную элиту внутри своего племени и больше занимается улучшением своего экономического положения и устройством своих сыновей и племянников на офицерские посты в Национальной гвардии («белой армии») или на работу в полицию, нежели общей политикой и руководством племени или проведением модернизаторской политики среди своих соплеменников.

К другой категории относятся выходцы из самых известных шейхских семей, предки которых были вождями таких наиболее могущественных племен, как бану тамим, аль-мурра и племенных союзов. Еще в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. они вместе с своими семьями переехали на постоянное жительство в Эр-Рияд и другие города. Авторитет, которым они пользовались, будучи независимыми владельцами в племени, заменяется престижем придворного, поддерживаемым денежными суммами, получаемыми за преданность королю, и иногда назначением на определенный пост в государственном аппарате (так, шейхи племени аль-мурра постоянно занимают высокие посты в Национальной гвардии, основной контингент которой состоит из выходцев того же

племени). Эта категория шейхов, так же как и первая, давно уже не имеет отношения к руководству своего племени или племен, но в поддержке правительства они приобрели новый авторитет своей власти. В них бывшие соплеменники видят уже не столько главу своего племени, сколько представителей централизованного государства, при посредничестве которых им перепедают денежные пособия от правительства [95, с. 58].

Такой же практики придерживаются остальные правящие семейства при формировании своих воинских и полицейских подразделений. В начале 1980-х гг. общая численность этих служб в странах составляла около 200 тыс. человек, или примерно 5 % всего экономически активного населения этих стран. О многом говорит факт, засвидетельствованный в переписи населения Кувейта: состав полиции на 97 % состоит из кувейтцев, сохраняющих (пусть при оседлом образе жизни) свою племенную организацию. Интересна также ситуация в Омане. Раньше, еще по традиции, продолжающейся с XVIII в., значительная часть рядового состава оманских вооруженных сил рекрутировалась из белуджей. В 1970–1980-е гг. среди рядового состава увеличилось число выходцев из племен, проживающих на территории страны. При этом власти продолжают старую политику противопоставления одних племен другим. Армейские и полицейские контингенты пополняются среди четырех привилегированных племен, главные из которых Хавосина и Бени-Умр [80, с. 89; 75 а, с.

Таким образом, несмотря на объективные условия, способствующие дальнейшему разложению родоплеменного строя, субсидии, распространяемые среди бедуинских племен, до известной степени замедляют разорение аравийского кочевья и массового обнищания кочевников, не способствуя в то же время, подобно выплатам на увеличение поголовья, развитию кочевого скотоводства в целом. Такие подачки королевского дома лишь искусственно препятствуют массовому обнищанию бедуинов и субъективно способствуют консервации родоплеменного строя в аравийском кочевье.

Еще один способ торможения распада родоплеменных отношений – это возрождение роли института ихвана, или так называемой белой армии, полностью формирующейся из бедуинов. Тем самым правительство преследует двойную цель. Во-первых, рост буржуазии, рабочего класса и распространение среди офицеров регулярной армии антиимпериалистических и радикально-фундаменталистских настроений, а также недовольства существующим режимом заставили правящие круги Саудовской Аравии, начиная с 1950 г., обратиться, по словам Чини, «к испытанному оружию – фанатизму племен». Чини, рассматривая причины возрождения ихвана, отмечал: «Создание опасности и недоверие к тем, кто сейчас окружает короля, привело к возрождению ихвана, который был ударной силой ваххабизма в первые дни власти Сауда. Король доверяет больше своим иррегулярным бе-

дуинским войскам, чем хваленой регулярной армии» [39, с. 286].

Расходы на «белую армию» растут из года в год. Она вооружена современным оружием, почти столь же многочисленна и лучше обеспечивается, чем регулярная армия. Столь крупные затраты стали возможны для правительства Саудовской Аравии лишь благодаря баснословным концессионным отчислениям иностранных нефтяных компаний, а впоследствии – прямым доходам от нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности.

Части «белой армии», иначе Национальной гвардии, дислоцируются главным образом вблизи больших городов, в районах нефтепромыслов, у главных дорог, с тем чтобы муджахиды – так называют бойцов бедуинского ополчения – были всегда под рукой на случай волнений в городах или на нефтепромыслах, но достаточно далеко, чтобы не соприкасаться с населением, не оказаться под его влиянием и не потерять часть своего фанатизма, разуверившись в «трех китах», на которых он покоится: религиозных устоях, заставляющих отрицать любые прогрессивные влияния; преданности королевскому дому; слепой убежденности в своей исключительности и превосходстве над остальным населением страны [91 в, с. 16–17].

Итак, возрождение ихвана имело целью создать прослойку людей, полностью зависящих от короля и фанатично преданных престолу. «Белая армия» используется против осво-

бодительного движения, служит противовесом регулярной армии на случай, если прогрессивные идеи проникнут в ее офицерский состав, против любых поборников ликвидации режима. Это привело к тому, что все народные волнения в Саудовской Аравии подавлялись очень жестоко (например, забастовка 1960 г.), преследовались все, кто выражал хоть малейшее недовольство существующим режимом.

Вторая цель, преследуемая правительством, – это стремление занять часть разоряющихся бедуинов, предотвратить возможное недовольство и тем самым способствовать сохранению пережитков родоплеменного строя в аравийском кочевье, не раз бывшего верным оплотом королевского дома.

Следует также сказать несколько слов о положении рядовых бедуинов в общественной иерархии страны. Это положение отличается некоторой двойственностью, вне зависимости от того, как высоко оценивают себя сами бедуины. С одной стороны, нынешняя правящая элита Саудовской Аравии, Саудида – выходцы из одной из важнейших племенных конфедераций в Неджде – аназа, родственной близостью с которой они весьма гордятся. Кроме того, у правящего дома есть серьезные основания, о которых уже говорилось выше, поддерживать и всячески питать самосознание бедуинов о своей исключительности и превосходстве. С другой стороны, большинство жителей страны в настоящее время считают их положение низким из-за их неспособности достичь чего-либо существенного в современном обществе. Обычно

они рассматриваются более современными городскими слоями как одна из немногих групп в саудоаравийском обществе, которая не воспользовалась открывшимися возможностями.

Природно-климатические условия сохранения кочевничества. Ретроспектива

Рассмотренные выше примеры домонотеистических, языческих верований кочевников Аравии (как и всех других периферийных регионов мира) служат убедительным доказательством того, что исламская религиозная система не смогла уничтожить определенную часть древних обрядов и культов, господствовавших в эпоху джахилийи. Хотя ислам является уникальной в своем роде религией, позволяющей неопиту считать себя правоверным мусульманином и сохранять определенную часть верований своих предков (явление синтеза ислама с языческими культами прослеживается во всем ареале распространения этой религии), однако основная причина существования доисламских верований у кочевников кроется не в этом; скорее ислам вынужден быть гибким, принимая во внимание огромную притягательную силу язычества.

В первую очередь, видимо, целесообразно будет рассмотреть то положение, в котором оказалось бедуинское общество к периоду Нового и с определенными оговорками Новейшего времени. Для этого надо вернуться на рубеж VI–VII вв. Площадь обрабатываемых земель Аравийского полуост-

рова (за исключением Йемена) – места расселения подавляющего большинства оседлых жителей – по сравнению с площадью пустынь составляла одну тысячную всей территории Аравии [83 а, т. 1, с. 32]. Из более чем 7 млн жителей полуострова свыше 4 млн занимались земледелием (включая Йемен с его 3,5 млн жителей [Там же]) и 3 млн – вели по преимуществу кочевой образ жизни [Там же, с. 34]. За пределами Йемена, по расчетам О. Г. Большакова, могло проживать около 300 тыс. жителей, занимавшихся земледелием. Таким образом, бедуины составляли значительное большинство населения на территории, ставшей родиной ислама² [Там же].

Плотность кочевого населения в пустынях и полупустынях Аравии, Сирии и Ирака была выше, чем в Новое время. С этой массой кочевников уже не могла справиться система, которую условно можно назвать «системой равновесия»³. К первой ее части относятся обычай братства между бедуинами, практика оставлять в живых членов другого племени, разгромленного во время газва (эта практика была инстинктивно перенесена на людей, шедших в караванах, которые грабили бедуины, хотя те и не были кочевниками), своеобразная система покровительства и т. д.

Вторая часть «системы равновесия» – это равновесие с

² Соотношение 3 000 000 : 300 000, конечно, приблизительное, однако факт численного превосходства кочевого населения над оседлым бесспорен.

³ «Система равновесия» состояла из двух частей – социального равновесия в обществе между его членами и равновесия с окружающей средой, природой.

природой, экологией. Такое равновесие характерно для всех первобытных непродвинувших обществ, а также для некоторых обществ с присваивающим хозяйством. Равновесие с силами природы требует либо неизменности производительных сил, орудий труда, низкого прироста населения, либо их очень медленного развития, практически стагнацию. Общества такого рода могли не изменяясь существовать тысячи лет.

В Аравии рубежа VI–VII вв. эта «система равновесия» была нарушена. В кочевом обществе появилось имущественное неравенство; в бедуинской среде зарождалось раннеклассовое общество. Примером нарушения равновесия, на наш взгляд, является образование государств кочевников – Лахмидского, Гассанидского, Киндитского; у Лахмидов и Киндитов, появились цари – малики, подвиги которых воспевали поэты [83 а, т. 1, с. 190–191]. Создание этих государств явилось первым шагом на пути подчинения огромной массы кочевников. Их развал объясняется невозможностью существования твердой авторитарной власти в среде кочевников⁴. На то есть несколько причин. Существование общества номадов определялось возможностями природной среды обеспечивать их хозяйство необходимыми ресурсами. «Недостаточность кормов и водных ресурсов ограничивала численность животных на той или иной территории и обусловли-

⁴ Тема межплеменной консолидации, создания какой-либо новой общности в доисламской поэзии [83а, т. 1, с. 135].

вала невозможность концентрации скота сверх допустимого лимита ресурсов среды обитания. Именно поэтому скотоводческое хозяйство кочевников существовало в виде множества относительно мелких по числу скота хозяйственных организмов» [83 а, т. 1, с. 21–22]. «Процесс концентрации скота, как правило, носил дискретный характер, поскольку в доиндустриальную эпоху существовал объективный предел, за порогом которого он спонтанно прерывался». Огромное стадо было невыгодно: животные быстро съедают весь корм, вынуждая увеличивать скорость перекочевов, что приводит к усталости стада и сокращению времени на восстановление кормов [Там же, с. 23]. Точкой динамического равновесия была плотность населения в 0,5–1 человек на 1 кв. км – так называемое дисперсное состояние [Там же]. У этих государств не было и такого мощного оружия, каким стал ислам для государства Мухаммеда (хотя ислам не спас от гибели Омейядов, погрязших в племенной вражде, унаследованной от джахилии).

Определенному разложению подверглись и социальные устои, мораль, психология бедуинского общества. «Общим мотивом доисламской бедуинской поэзии V–VI вв. стало сетование на разрушение духовно-идеологических и морально-этических ценностей родового общества, его традиционных воззрений и обычаев. Обычными становятся обличение имущественного стяжательства, упреки на замену кровной мести выкупом или за пренебрежение требованиями кодек-

са родовой доблести (муруввы) и т. д. Устои родового общества теряли свой абсолютный моральный авторитет» [83, с. 133]. Мухаммед, по словам В. И. Басилова, «тосковал по тем разрушающимся устоям традиционной социальной морали родового общества, которые прежде обеспечивали чувство жизненной стабильности, защиту личных интересов человека, его безопасность и благополучие» [Там же, с. 13]. Пророк видел в обществе «эрозию социальных устоев, нарушение традиционного уклада и порядка общественной жизни», он стремился к «восстановлению социального равновесия» [Там же].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.